

умышлениях: как, например, он, увидев у встречного две красных ленты на шляпе, сразу украсил свою шляпу тремя, на танцах норовил высмотреть девушку покраше, а когда ему это удалось, силится прыгнуть повыше; и когда перечислил он множество подобных грехов, священник сказал ему: «А молиться ты умеешь?» Крестьянин ответил: «Нет!» Священник сказал: «Так научись!» Крестьянин ответил: «Невмоготу мне, я пытался уже не раз». – «Ладно, – сказал священник, – налагаю на тебя епитимью: каждый день в течение целого года ты должен повторять: «Агнец Божий, смилуйся надо мной!» Заучи это хоть за год, а я потом выучу тебя другим молитвам». Крестьянин сказал: «Я постараюсь». И получил отпущение грехов.

Приступая к молитве во исполнение епитимьи, он до Иванова дня говорил: «Агнец Божий, смилуйся надо мной!», потом он говорил: «Божий барашек, смилуйся надо мной!» А по прошествии года осенью он говорил уже: «Божий баран, смилуйся надо мной!»

В следующем году на великий пост он снова пришел к своему священнику, и тот осведомился, выполнял ли он наложенную епитимью. Крестьянин поведал, как он менял обращение по прошествии времени. «Зачем ты так делал?» – спросил священник. А крестьянин сказал: «Да разве агнец не становится потом барашком и, наконец, бараном?» Тут священник рассмеялся и подумал: «Уж если ты до сих пор не выучился молиться, мне ли тебя учить!» И он разрешил крестьянину молиться, как тому заблагорассудится. Очевидно одно: крестьянин был благочестивее священника.

40

КАК ОДИН ЛАНДСКНЕХТ УПУСТИЛ КРАСИВУЮ ДЕВУШКУ И ВЫНУЖДЕН БЫЛ НОЧЕВАТЬ ОКОЛО СВИНАРНИКА ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО ХОРОШО ПРЫГАЛ

У благочестивых ландскнехтов, да простит им Бог, есть обычай в разных землях, а особенно в Швабии и в Шварцвальде, отправляться зимой на промысел, то есть выпрашивать у бедных крестьян харчи, хлеб, яйца, соль и сало, так что иной бедняк дает им волей-неволей требуемое, хотя они никого не принуждают, но просят с такими шутками и прибаутками, что попробуй не дай: боязно становится за сараи и хлевы. У таких ландскнехтов есть даже своя метка: где они заночуют, там они рисуют на двери ветвящийся бургундский крест; когда в дом нагрянет кто-нибудь из простецких благочестивых собратьев и увидит метку на стене или на двери, он уже больше ничего не просит, только поворачивает с вежливым присловьем и добавляет: «Эх! Вижу, наши уже здесь побывали. Так что не обессудьте!» Если же кто-нибудь из них является на ночь глядя, то не иначе как сам папа даровал им такую вольность (по моему разумению), что не приходится им долго просить о ночлеге; хозяин сам уже ученый и предоставляет гостю ночлег согласно его привилегиям.

Случилось так, что один славный молоденький ландскнехт, еще недостаточно опытный, оголодал по бедности в Шварцвальде и вздумал поправить свои дела постоем. Зашел он во двор к богатому крестьянину и попросил того-сего. А хозяин хозяйствовал в лесу, вдали от людей, и по соседству с ним жила одна только вдова с красавицей дочкой, девицей благочестивой и добропорядочной; мать и дочь умели привечать подобных гостей. Крестьянин знал об этом от самих соседей, вот он и говорит ландскнехту: «Любезный воин, у меня слишком много чад и домочадцев; я не могу тебя приютить на этот раз. Вот тебе деньги на вино, довольствуйся пока этим, а на постой отправляйся в дом, что виднеется отсюда. Там тебя, без сомненья, обогреют и приютят, а коли хватит у тебя сноровки, ты, пожалуй, унаследуешь и дом и двор».

Добрый парень, еще не прошедший выучки у черта, поверил крестьянину на слово, пришел к вдове и попросился на ночлег. Добрая женщина согласилась при условии, что он будет есть свой собственный хлеб. «Да, – сказал ландскнехт, – на нынешнюю ночь моего хлеба хватит и мне, и вам обеим». Они сговорились и сели за стол. Дочь, выйдя к столу, взглянула на гостя довольно ласково. «Ах, – сказал он, – торговали бы здесь вином, я бы и винишко мог оплатить». А мать сказала: «Сынок, когда тебе охота платить за вино, у моего соседа на дворе предостаточно хорошего вина, были бы деньги; он тоже иногда пускает на ночь гостей, готовых платить; так что, если ты будешь так добр и купишь вина, мы с дочкой не прочь участвовать в расходах». Добрый братец Фейт подумал, что дело на мази, с готовностью развязал свою кошелек и едва-едва наскреб деньжонок на двойную порцию вина. Он сбегал за вином, старуха испекла пирожки; словом, они сидели и веселились.

Потом старуха решила, что время пришло, и сказала: «Любезный сынок, не скрою от тебя, мы с дочкой одни в этом доме, и у нас всего две кровати. А ты так щедр, что не хотелось бы тебя